

Савченко Иван Михайлович

(1903-1943)

Война застала моего прадеда и прабабушку в городе Торжок, Калининской области, где они, будучи молодыми специалистами, работали сотрудиниками в НИИ льна. Бабушке же моей в тот год исполнилось 7 лет. Осенью 1941 года немцы прорвали оборону и захватили близлежащие города: Ржев, Нелидово, Андреаполь, Осташков, Жарковский. Торжок сильно бомбили. Кроме того, что там, на базе вагоностроительного завода работала оборонная промышленность, в школе на берегу реки Тверцы был организован крупный госпиталь, который подвергался непрерывным обстрелам. Поэтому в срочном порядке сотрудиников института эвакуировали на Урал. Там, на узловой опытной станции, прабабушка работала агрономом, сутками пропадая на полях, помогая фронту хлебом и другими продуктами питания.

Прадед мой, Савченко Иван Михайлович был призван на фронт в марте 1942 года Карагайским райвоенкоматом Пермской области.

О своем прадеде я знаю по его редким дневникам и коротким письмам с фронта, которые он писал жене, детям.

И вот его запись от 31.01.42 о первых днях бомбежки и эвакуации сотрудиников института: "...с ужасом вспоминаю пережитые дни от 13 октября до 20 ноября – с момента выезда из Торжка до прибытия сюда, в Карагайский район, Молотовской области на Узлос. Воспоминания эти жутки и кажутся сном... Бомбардировка Торжка началась в ночь с 12 на 13 октября. Ночью появились отдельные самолеты противника и начали сбрасывать в городе фугасные и зажигательные бомбы. К полночи в 4-5 местах города видны были огненные языки, поднимающиеся к небу. 13.10.41 бомбардировка города началась с 9 часов утра. Волнами, с интервалом в 10-15 минут, налетали группы самолетов на город. Все лежали целый день по канавам. Дети также прятались в бомбоубежищах, и на их лицах можно было прочесть чувство ужаса. До самого вечера проходила бомбардировка города. Уже весь город пылал, дым застилал отдельные части города, а они все бомбили. К вечеру немного стихло. Было ясно, что на ночь оставаться в городе опасно, хотя жилые и служебные дома института не были повреждены. Посадив на грузовую машину всех детей Зеленого Городка с матерями, положив по 2-3 узла, отправили ее в Можайцево – деревню в 15 км от Торжка.

К вечеру потянулись толпы несчастных людей с детьми, с котомками. Чувство горя, несчастья и ужаса испытывали все. При виде самолетов толпы разбегались по рытвинам, канавам и лежали, распластавшись на земле с чувством глубокой ненависти к тем, кто веет смерть над мирным населением...

...Пройдя 8 км, ...втроем пошли обратно в город. Страшная картина предстала перед нами. Догоравшие дома, развалины, остатки домашних вещей, обуглившихся или сгоревших в огне – швейные машины, велосипеды, кровати и т.п. На улицах валялись неразорвавшиеся зажигательные бомбы, убитые лошади.

...Зашли на квартиры. За эту ночь квартиры не были ограблены. Лежали на полу связанные узлы, с ценными вещами – все было на своих местах. Взяв, попавшиеся на глаза валенки и шапку, я вышел из дома. Почему не взял еще что-либо – сейчас непонятно, тогда никакой жалости к вещам не было.

...Вернувшись в Можайцево запрягли 11 повозок Опытного Поля, положили взятые вещи и, посадив детей, 82 человека семей сотрудников ВНИИЛ двинулись в тяжелый путь. По дороге бросили взятую с Опытного Поля муку, не везли лошади, и направились по маршруту Рамешки–Бежецк–Мышкин–Рыбинск. Этот тяжелый длинный путь по плохим проселочным дорогам мы ехали около 3-х недель. Дорога грязная, канавы, рытвины. Сколько раз приходилось снимать детей, вещи, чтобы вытащить телегу из канавы или грязи. Все взрослые шли пешком. Ноги ныли от непривычной ходьбы у женщин, но всех гнала вперед необходимость. Хотелось жить. Население деревень не всюду принимало хорошо. Уж очень много нас беженцев. По десять-пятнадцать человек останавливались в избе, расстилали кое-что на полу и засыпали как мертвые. В Рыбинске сели на паровоз”.

В начале 1942 года прадеда призвали в армию.

(письмо датировано 21.03.42)

“...прибыли пешком в село Кыласово. Сегодня при разбивки отделений меня зачислили, командиром отделения... Наш взвод связи - при батальоне. Обслуживает полк с ротами, так что на фронте он должен быть на передовых позициях. ... Пока наша часть в стадии организации. ... Неизвестно, скоро ли мы отсюда уедем. Во всяком случае, с месяц, наверное, будем. ...”

03.05.42 “...1 мая приняли присягу. Вместо шапок выдали пилотки, так что я еще более непохож на себя. Моя работа: раз в неделю провожу занятия на политические темы, и ежедневно политинформации, и вся другая политработа лежит на мне, по роте (выпуск стенгазет, руководство агитаторами и др.). Кроме того, как командир взвода занимаюсь со взводом 2-4 часа ежедневно...об отправке пока не слышно и это, конечно, мы узнаем за полчаса...”

Прадед горячо любил свою страну, восхищался ее красотами и не мог не написать о них в свободные минуты.

31.05.42 “...Солнце палит нещадно. Трудно найти место, где можно было бы спастись от палящих его лучей. У нас на Родине оно не так жжет. Расположился и пишу у землянки, в тени, поставленной у входа пихты. Передо мною – крутой скалистый овраг, поросший елями, пихтами, а у подножья его раскинулось село. Тополя раскинули свои серебристые листья, кругом цветы черемухи, и посреди этого места извилисто, точно змея, раскинулась речка. Женщины, дети и кое-где мужчины барахтаются в воде, слышен детский смех – и кажется, что нет войны, что все люди счастливы.

Но вот мирные мысли рассекают звуки военного рожка...и лицом к лицу, сталкиваешься с действительностью”.

Весточка с фронта (настоящее письмо прадеда с фронта домой)

12.06.42 “...Поезд мчит нас на юг, скоро Свердловска. Одна привлекательнее другой, быстро сменяясь, расстилаются перед глазами картины уральской природы...”

12.06.42 “... Еду на Челябинск, проехал красивые места – центральную часть Уральского хребта. Высокие холмы, поросшие хвойным лесом, долины с лиственными лесами и зеленым бархатным ковром луговой растительности. Железная дорога пересекает иногда небольшие горы. Вырисовывается нутро гор: сплошной камень, отдельные глыбы достигают гигантских размеров...”

13.06.42 “... Мчим на юг очень быстро. Вот сейчас проснулся и мы уже в Челябинске. Природа уже не та. Сравнительно ровные спокойные места. Хвойных деревьев не видно – все березы, почвы темные. Челябинск – большой город. Всюду дышат трубы заводов, фабрик. Массы народа ходят по улицам...”

15.06.42 “... Гор Уральского хребта как не бывало. Пошли сравнительно ровные места. Вот и Оренбург. На станции Илецк мы свернули вправо на Уральск – Энгельс и далее на запад...”

24.06.42 “ Прекрасный берег Волги. Чистые заросли дуба, клена, липы. Глубокие овраги, цветы и пение птиц, особенно соловьев. Перед глазами, в двадцати шагах Волга, по которой взад и вперед плывут пароходы. Если забыть о своих занятиях, кажется, прибыл в дом отдыха. Думаю, что здесь пробудем недельки две, а может больше или меньше...”

Савченко Иван Михайлович, фотография с фронта

30.08.42 "...Водой доехали благополучно. Дальше идем пешком. Скоро будем на исходном рубеже. Обо мне не волнуйтесь. Я с честью выполню свой долг гражданина нашей прекрасной Родины."

09.09.42 "...Под свистами пуль, под разрывами снарядов пишу эти строки. Фашист упорист, но слабость его чувствуется. Близко время, когда мы по пятам врага будем двигаться на запад."

14.09.42 "...Вот уже девятый день, как я в действующей Красной Армии. Стало привычным уже и противное завывание полета мины и разрыв крупного снаряда, который эхом перекатывается по балкам, и трескотня пулеметов и автоматов. Мы стоим пока крепко и не на шаг не пустим фрицев на наши позиции. Чувствуется, что враг слабеет, и настанет момент, когда без оглядки побежит назад эта коричневая сволочь. Дорогая, ты не волнуйся, чему быть того не миновать. Я пока здоров, хотя и живу минутами..."

23.09.42 "... Мы в таких степях, где на десятки километров видно кругом. Свистят снаряды, мины. Враг хотя и силен еще, но чувствуется его ослабление. Меньше самолетов стало, реже его артиллерия бьет. Вот уже две недели как не на шаг не продвинулись..."

27.09.42 “ Я здоров, по-прежнему на передовых. Пишу под звуки разрывов, грохот орудий...”

03.10.42 “... Сейчас только пережил весьма неприятные минуты нашей фронтовой жизни. Наша часть продвинулась на пять километров вперед. Стремясь вернуть потерянные позиции, остервенелый враг бросает в бой все имеющиеся у него средства. Бесперывный гул моторов в воздухе сливается с неприятным кваканьем мин, свистом и разрывом снарядов. Воздух наполнен дымом, пылью и от разрывов и от непрерывных проходов танков, автомашин, лошадей. В воздухе сухо – несколько месяцев не было дождя, почва высохла так, что без топора невозможно вырыть щель или окоп, а кругом степь – голая, ровная, неприглядная. Ни куста, ни травы, ни воды. Лишь балки кое-где пересекают эти почти мертвые степи и в них можно достать воды – неприятной на вкус и грязной. Вот такая обстановка. Не лучше она, конечно, и у врага. Но, несмотря на это фашистское зверье, зубами держится, зная, что здесь решается судьба всей армии этой коричневой сволочи. И что судьба, конечно, решится - на это есть все предпосылки...”

22.01.43 Сталинградская область, Солдчинский район, село Солдчи. “...Отлично окончив учебу, прибыл сюда – жду назначения на должность.”

26.01.43 “...Я прибыл снова на фронт. Ты не можешь себе представить, какую массу техники, машин, орудий оставляет фашистская мразь. По дороге в поле валяются трупы этой мрази, искавшей себе жизненного пространства. То, уткнувшись лицом вниз, то распростертые навзничь, лежат они среди широких приволжских степей, и русский мороз разворачивает их мертвые лица, руки, а русская вьюга хоронит их с жестокой русской ненавистью.

По дороге и здесь пленные и пленные. Исхудалые, небритые, трясущиеся от холода австрийцы, чехи и реже немцы. Противно смотреть на них и жалко. Бои идут жестокие. Враг пятится к городу, окруженный со всех сторон, и судьба его уже решена. Все закончится на днях...”

Возможно, это было последнее письмо прадеда, так как погиб он 28.01.43 г. на подступах к Сталинграду, при взятии высоты 112,5. Похоронен в братской могиле в Сталинграде.

Он горячо любил свою страну и ненавидел врага, разрушившего мирную жизнь и счастье миллионов людей. В одном из писем он писал жене: “...знай, что напрасно я не погибну и дешево не дамся врагу”. Прадед верил в победу и пытался убедить родных в своем возвращении домой. Он писал: “воля к жизни, беспредельная любовь к тебе, к детям, к своей Родине – залог нашей победы, залог того, что я снова увижу тебя, детей, залог нашей счастливой будущей жизни”.

Но этому не суждено было случиться. Эта была трагедия нашей семьи, также как и миллионов других убитых, искалеченных войной людей.